

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**СОЮЗ РОССИИ
С ФРАНЦИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ
В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПРАВЫХ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Аннотация. В статье рассматривается отношение русских правых политических партий начала XX в. (черносотенцев и националистов) к союзу Российской империи с Францией и Великобританией. Показана тесная взаимосвязь внутривластных установок русских правых с их внешнеполитическими взглядами. Отмечается общее и различное в восприятии русскими правыми монархистами Французской республики и Британской империи; обращается внимание на попытки дифференцированного подхода, отделяющего народы от их правительств. На основе широкого спектра источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот, доказывается, что русский правый лагерь не был един по отношению к Франции и Великобритании и позиции черносотенцев и националистов заметно отличались в этом вопросе. В то время как крайне правые стремились добиться дистанцирования Российской империи от слишком тесных отношений с Англией и Францией, умеренно правые выступали сторонниками сближения с этими странами. Показано, что на риторику правых в отношении Великобритании и Франции большое влияние оказывала конкретная внешнеполитическая ситуация: до начала войны черносотенцы сомневались в целесообразности альянса с республиканской Францией и крайне негативно относились к союзу с парламентской Англией, во время войны стран Антанты с Германией крайне правые из прагматических соображений либо поменяли, либо смягчили свою позицию, а после Февральской революции, окончательно разуверившись в странах-союзниках, снова вернулись к их критике.

Ключевые слова: русские правые, черносотенцы, националисты, внешняя политика, Российская империя, Франция, Великобритания, Антанта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

St. Petersburg State University

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**THE ALLIANCE OF RUSSIA
WITH FRANCE AND GREAT BRITAIN
IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN RIGHT-WINGERS
IN THE EARLY XXth CENTURY**

Abstract. The paper describes the attitude of Russian right-wing political parties in the early XXth century (members of the Black Hundred and nationalists) toward the alliance of the Russian Empire with France and Great Britain. The paper testifies a strong relationship of domestic political attitudes of Russian right-wingers with their foreign-policy views. Common and different features of perception by Russian right-wing royalists of the French Republic and the British Empire are being noted; attempts of multi-pronged approach to separate nations from their governments are addressed. Based on a wide range of sources, some of which are introduced into scientific discourse for the first time, it is proved that the Russian right-wing camp was not united in their attitude toward France and Great Britain, and positions of the members of the Black Hundred and nationalists varied notably on this subject. Whereas the Russian extreme right-wingers strained after separation of the Russian Empire from too close relations with England and France, the moderate right-wingers expressed approval of rapprochement with those countries. It is demonstrated that the specific foreign-policy situation had a very significant effect on rhetoric of right-wingers in regard to Great Britain and France: prior to the outbreak of war, the members of the Black Hundred did not see the use of the alliance with republican France and were outspokenly critical of the union with parliamentary England, in the war of the Allies against Germany the Russian extreme right-wingers on pragmatic grounds either changed or softened their stand, and after the February revolution, wholly losing faith in allied nations, again fell back to criticism addressed to them.

Keywords: Russian right-wingers, the Black Hundred, Russian nationalists, foreign policy, Russian Empire, France, Great Britain, Entente.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00105 “Political parties in Russia in the beginning of the XXth century”.

Введение. Вопросы внешней политики являлись прерогативой императора и Министерства иностранных дел — они не входили в компетенцию представительных учреждений Российской империи и не находили отражения в программных документах политических партий. Тем не менее вопросы внешнеполитической ориентации, отношения к ведущим мировым державам и о том, каким образом России следует выстраивать

свою иностранную политику, регулярно поднимались в печати, на собраниях политических партий и клубов, в стенах Государственной думы. Не были исключением и русские правые: черносотенцы (Союз русского народа — СРН), Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА), Союз русских людей (СРЛ), Русская монархическая партия (РМП), Русское собрание (РС) и др.) и националисты (Всероссийский национальный союз (ВНС), Киевский клуб русских националистов (ККРН), Всероссийский национальный клуб (ВНК) и др.), — для которых вопросы внешней политики являлись важной составляющей политической борьбы. Их геополитические воззрения, равно как и внешнеполитические взгляды, базировались на таких принципах, как укрепление самодержавия и имперского могущества России, ее суверенитет в международных делах и отстаивание особого исторического пути. Геополитические представления лидеров черносотенцев, как правило, вытекали из концепций славянофилов — Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского и других консервативных мыслителей¹. Исходя из них, крайне правые публицисты и политики начала XX в. писали об особой миссии России в мировой истории, верили, что она должна явить миру образец истинного «святорусского миродержавства»² и считали ее путь не тождественным ни западному, ни восточному. «...Во внешних делах положение нашего отечества, центральное, — между пробуждающимся полумиллиардным, с одной стороны, населением Востока, стесненным на своей территории, а с другой — с сильными государствами Запада, тоже переполненными населением и нуждающимися в расширении своих границ, — в самом недалеком будущем заставит Россию избрать одно из двух: или стать молотом настолько сильным, чтобы сковать Восток и Запад, или же, в качестве наковальни, став ареною постоянных кровавых событий, — отдать себя на растерзание, т. е. утратить свою Государственную цельность», — отмечалось в одном из документов Русского монархического союза (РМС)³. Как пишет С. А. Степанов, «черносотенцы использовали славянофильские тезисы, противопоставляя Россию Западу, под которым подразумевались страны Западной Европы и Северной Америки» и вслед за славянофилами повторяли, что современная им «бездуховная» западная цивилизация жила «враждой, ненавистью, разобщенностью, узким личным материалистическим эгоизмом, господством материальной силы, рабством духа и души»⁴. Позиция русских националистов была несколько иной — они, как правило, были чужды антизападничества и рассматривали Россию как неотъемлемую часть западноевропейской цивилизации.

¹ *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 480–492; *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 241–276; *Линькова Е. В.* Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019.

² *Таубе М. Ф.* Образование великодержавных единиц. СПб., 1910. С. 18.

³ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2. С. 424.

⁴ *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 23.

Какое-либо вмешательство иностранных держав во внутренние российские дела воспринималось черносотенцами и русскими националистами как непрошенное, недопустимое и оскорбительное⁵. Мировые события рассматривались ими сквозь призму национальных и политических интересов, сами по себе занимая весьма скромное место в их публичной риторике. «Нас, — отмечал редактор правой газеты “Земщина” С. К. Глинка-Янчевский, — <...> мировая политика мало интересует. У нас — своих забот по горло, и потому нам совершенно безразлично, о чем спорит Северная Америка с Южными республиками или с Англией, какие дрязги сеют рознь между Францией и Германией или между Германией и Англией, и тем более, как вырождается Португалия или Испания. Мы касаемся внешних осложнений постольку, поскольку они могут отразиться на России»⁶. Член Главного совета СРН философ и математик М. Ф. Таубе, определяя внешнеполитические задачи страны, писал: «Не будем мечтательны, бросим благодетельствовать чужих и подумаем... как себя сохранить и свою веру, свою царскую державу, свою самобытность или народную личность. Благодетельствовать чужих хорошо, когда есть чем благодетельствовать. Наша священная обязанность защититься и соблюсти свою собственную пользу»⁷. В связи с этим важнейшую роль при определении потенциальных союзников и противников России для правых играли такие вопросы, как близость государственно-политического устройства, исторически сложившийся опыт взаимоотношений, потенциал экономического и военного сотрудничества, пересечение интересов и возможность их урегулирования⁸. Именно на этих принципах правые выстраивали свои взгляды по отношению к великим европейским державам, включая Францию и Великобританию, которым суждено было вместе с Российской империей составить военно-политический блок — Антанту — и вместе выступить в годы Первой мировой войны против Германии, Австро-Венгрии и Османской империи.

Несмотря на то что внешнеполитические взгляды русских правых нашли отражение в ряде работ, посвященных как внешней политике Российской империи⁹, так и собственно консервативным силам и монархическим организациям дореволюционной России¹⁰, вопросы отношения черносотенцев

⁵ В Совете Всероссийского национального союза // *Земщина*. 1910. 9 мая; Правые партии... Т. 1. С. 201.

⁶ *Глинка С.* Внешняя политика // *Земщина*. 1913. 1 января.

⁷ *Черносотенец барон Т[аубе]*. Россия, Германия и Англия // *Русское знамя*. 1907. 25 января.

⁸ *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 33.

⁹ *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1984; *Урибес-Санчес Э.* Внешнеполитические взгляды правых // *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*. М., 2018. С. 388–395.

¹⁰ *Белянкина В. Ю.* Указ. соч.; *Омельяничук И. В.* Указ. соч. С. 480–492; *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 77–79; *Репников А. В.* Указ. соч. С. 241–276; *Линькова Е. В.* Указ. соч. и др.

и националистов к Франции и Великобритании, на наш взгляд, раскрыты недостаточно подробно, в связи с чем целью данной публикации является не только систематизация и обобщение уже опубликованных исследователями данных, но и обогащение представлений о данном вопросе благодаря новым источникам, впервые вводящимся в научный оборот. Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, архивные документы, публицистическое наследие правых деятелей, стенографические отчеты Государственной думы.

Правые и Франция. К моменту появления правых партий Россия и Франция уже находились в союзных отношениях. Военно-политический альянс между странами возник еще при императоре Александре III и укрепился в годы царствования Николая II. Таким образом, в отношении Франции правые были вынуждены исходить из уже имевшейся ситуации и учитывать тот факт, что союзные отношения между двумя державами возникли по воле столь чтимого ими самодержца. Как отмечал видный монархический деятель С. А. Володимеров, «союз наш с Францией был нами заключен в условиях более-менее доказанной его необходимости для Франции и выгоды для России»¹¹. Однако тесное сотрудничество православной самодержавной монархии с «безбожной республикой» не могло не вызывать у консервативных сил недовольства или, как минимум, сомнений. Освещение в правой прессе русско-французских отношений отличалось двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, правые издания верноподданнически откликались на официальные встречи лидеров двух стран, дружественные визиты и заявления; с другой — выражали сомнение в надежности республиканской союзницы и высказывали опасения, что страна, укрывающая российских политических преступников и не сочувствующая государственному устройству России, в критический момент может оказаться не на стороне русского самодержавия.

При этом важно отметить, что позиция правого лагеря в отношении Франции (впрочем, как и по многим другим вопросам внешней политики) не была единой. Крайне правыми (черносотенцами) Франция воспринималась как рассадник революционного духа, нравственного порока, антиклерикализма и оккультизма, а ее правительство — как несамостоятельное, находящееся в зависимости от еврейства и масонства (в частности, указывалось на принадлежность к масонским ложам президентов Франции А. Фальера и Р. Пуанкаре)¹². «Под влиянием парламентарно-республиканского правления... она (Франция. — *А. И.*) стала быстро падать, превратившись в какой-нибудь десяток лет из грозного государства в расслабленного больного... Нравственно больная Франция заразила своим недугом в виде социализма все государства Европы и сильнее всего микробы этой язвы проникли в Россию...», — писал

¹¹ Володимеров С. Посещение Москвы г. Пуанкаре // Земщина. 1912. 3 августа.

¹² См., например: Правые партии... Т. 2. С. 256, 264.

орган СРН «Русское знамя»¹³. Не последнюю роль в отношении к официальной Франции играли симпатии ее представителей к российской оппозиции и ответные чувства к ней со стороны российских либералов. После визита в Россию в 1910 г. французских парламентариев лидер РНСМА В. М. Пуришкевич обращал внимание на недопустимые с его точки зрения высказывания, сделанные как со стороны гостей, так и чествовавших их российских либералов. Заслушав доклад Пуришкевича, РНСМА постановил принять меры к недопущению в будущем пропаганды в России «чуждого ей конституционного строя», официального чествования «всякого рода наезжающих господ» и при «дальнейших попытках французов вмешательства в наши дела, немедленно заняться тем же во Франции поездкою туда и пропагандой монархизма в республике» совместно с французскими роялистами¹⁴. Не испытывая симпатий к французской правящей элите и установившимся во Франции порядкам, черносотенцы выражали свою поддержку консервативным силам этой страны и «искреннюю любовь к благородному французскому народу», надеясь, что наступят времена, когда «проснется и гордо встанет старая Франция, Франция Людовика Святого, Франция Иоанны д'Арк» и положит конец «иудо-масонскому хозяйничанью»¹⁵. Как отмечал лидер РМП В. А. Грингмут, «французский народ, конечно, всецело стоит на нашей стороне, но правительственный якобинский “блок” в парламенте нисколько не разделяет чувств французского народа и относится к нам с полным равнодушием, чтобы не сказать с затаенною враждой»¹⁶. Но были и те, кто считал, что «самобытная французская нация перестала существовать», ибо вся Франция «ожидовела»¹⁷.

Тревогу крайне правых также вызывала постоянно растущая финансовая зависимость России от своей союзницы, ставившая, по их мнению, нашу страну в крайне невыгодное положение и заставлявшая действовать не из своих национальных интересов, а исходя из пожеланий кредитора. При этом уверенности, что в трудную минуту Франция придет на помощь, у правых не было. «Русское знамя» напоминало, что «Франция как союзница не принесла никакой осязательной пользы нам в японскую войну»¹⁸. Военный потенциал Франции также оценивался критически, вплоть до утверждений, что «современная Франция нипочем воевать не станет»¹⁹. В связи с этим накануне Первой мировой войны в крайне правой печати неоднократно появлялись публикации, в которых говорилось о том, что союз с Францией потерял всякое значение, что он не приносит России никакой пользы, и есть не что иное,

¹³ Дрозд-Бонячевский В. Наши союзники // Русское знамя. 1907. 1 апреля.

¹⁴ Правые партии... Т. 1. С. 559–560.

¹⁵ Володимиров С. Указ. соч.

¹⁶ Грингмут В. А. Наши друзья и враги // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 20.

¹⁷ Черносотенец барон Т[аубе]. Указ. соч.

¹⁸ Дрозд-Бонячевский В. Указ. соч.

¹⁹ Володимиров С. Указ. соч.

как «симпатическая иллюзия», а потому великая империя не должна зависеть «от влияния французских политических партий, которые кроме Бога отрицают отечество, военную службу и патриотизм»²⁰. В 1911 г. «Земщина» резюмировала: «С формальной стороны союз существует. Но... Тут есть какое-то и притом очень крупное “но”... И оно заключается в том, что дух союза исчез. Когда подготовлялся и заключался союз с Францией, все русское общество самым искренним образом приветствовало это сближение. В России всегда замечались симпатии к прекрасной Франции и обстоятельным французам. <...> Увы, как быстро все это переменялось! <...> На бумаге сохранился, конечно, призрак союза *правительств*, но ничто его не согревает. *Народные симпатии в нем не участвуют*. Ледяным холодом веет от этого союза... Не русский, однако, народ в том виновен. Не виновны, пожалуй, и французы. Вся вина падает исключительно на французское правительство, продавшееся иудеям, порвавшее с церковью и нравственным кодексом и превратившееся в служителей золотого тельца. С правительством всяких Клемансо, Комбов, Брианов искреннего союза быть не может»²¹.

Однако в годы Первой мировой войны критики Франции из правого лагеря были вынуждены сменить тон. Как бы негативно черносотенцы ни относились к порядкам в Третьей республике, необходимость совместной борьбы с общим противником заставила их на время забыть о выдвигаемых в ее адрес обвинениях и заговорить о «прекрасной союзнице»²². Правые газеты стали писать о мужестве и благородстве французов, о доблести французской армии, ставить в пример консолидацию французского общества, патриотизм французов, политику Франции в отношении подданных враждебных ей государств и ее промышленные успехи. Но когда речь заходила о сравнении России и Франции, то правые указывали либералам, что республиканская союзница оказалась хуже подготовленной к войне, нежели самодержавная Россия, а царящие в ней свободы не спасли страну от множества злоупотреблений²³.

Несколько иным было отношение к Франции большинства русских националистов и умеренно правых. Некоторые из них даже указывали на Францию как на пример «правильного» развития национализма²⁴. Один из лидеров ВНС В. А. Бобринский, выступая в Государственной думе, подчеркивая многолетний характер союзнических отношений с Францией, указывал, что «мы находимся в союзе... со всею французскою нацией» и что «вопрос нашего союза

²⁰ См.: *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 78.

²¹ *Глинка С.* Франко-русский союз // *Земщина*. 1911. 22 января.

²² Совещение монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 12.

²³ См.: *Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.* Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников, сост., предисл. и коммент. А. В. Репников, А. А. Иванов. М., 2014. С. 183.

²⁴ *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 78, 86, 144.

с Францией — вопрос настолько бесспорный, что о нем говорить не приходится»²⁵. Как правило, националисты и умеренно правые старались избегать в своих публичных выступлениях нападок на страну-союзницу, ее власти и порядки, стремились следовать в этом вопросе курсу, взятому российским МИДом. Однако и среди русских националистов звучали критические высказывания в отношении Французской республики. Так, например, М. О. Меньшиков отмечал, что «нет в пределах Франции ни одной надежды, которая не была бы горько осмеяна, ни одной святыни, которая не была бы осквернена»²⁶, обращал внимание, что там «давно идет яростная борьба с церковью, с армией и национальностью», а печатью «давно овладели враги христианского общества»²⁷. Но, несмотря на это, умеренное крыло правого лагеря не подвергало сомнению целесообразность русско-французского союза. Как справедливо отмечает современный исследователь, если для большинства крайне правых «республиканская Франция была символом якобинства и анархии, сосредоточением зла и нравственного упадка, стремящегося под видом просвещения разрушить русские государственные и морально-этические устои», то националисты вопреки критике происходящих во Франции процессов «являлись сторонниками сохранения и развития русско-французских отношений, видя во Франции экономического партнера и военно-политического союзника»²⁸.

Правые и Великобритания. Еще более сложным было отношение русских правых к Великобритании. Союз Британии с Францией (1904) и последовавшее вслед за ним англо-российское соглашение о разграничении сфер влияния (1907) вызывали в правом лагере серьезные опасения. Многолетнее соперничество Российской и Британской империй было хорошо известно, а роль Туманного Альбиона в противостоянии России и Японии слишком памятна. Англия, писала «Земщина», «целое столетие издевалась над Россией, натравливала на нас всех, кто подворачивался ей под руку, и почти открыто плевала нам в лицо»²⁹. Казалось бы, мирное разграничение сфер влияния России и Британской империи в Средней Азии, означавшее прекращение «Большой игры», можно было только приветствовать, но крайне правых не устраивали условия этого договора. Соглашения по Ирану, Афганистану и Тибету воспринимались ими как неоправданные уступки, лишившие Российскую империю самостоятельности в регионе³⁰. Как отмечал член Главной палаты РНСМА и бывший дипломат Ю. С. Карцов, «вступив с Россией

²⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 378–379.

²⁶ Меньшиков М. О. Великорусская идея: в 2 т. / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. М., 2012. Т. 2. С. 7, 195, 198.

²⁷ Там же. Т. 1. С. 117.

²⁸ Белянкина В. Ю. Указ. соч. С. 81.

²⁹ Глинка С. Внешняя политика...

³⁰ Белянкина В. Ю. Указ. соч. С. 47, 50–51.

в соглашение и заключив с нею ряд конвенций, Англия 1) заставила Россию отказаться от самостоятельных выступлений не только в Турции, но и в других странах Ближнего Востока; 2) наложила свое вето на участие России в каких бы то ни было политических комбинациях, направленных против английской всесветной гегемонии на море и 3) выговорила английскому предпринимателю и капиталу обеспеченное и льготное положение на русском внутреннем рынке»³¹. Кроме того, их тревогу вызывал факт складывания новой коалиции держав — Антанты. Крайне правые указывали, что сближение с Англией вело Россию к обострению отношений с Германией, поскольку конкуренция между этими двумя державами, их борьба за обладание колониями являлась одной из важнейших причин назревавшей войны. «Нынешний век должен решить борьбу двух великанов — Германии и Англии, — писал в 1910 г. С. К. Глинка-Янчевский. — <...> И как бы ни старались заверить друг друга оба эти государства в своем миролюбии и дружеских чувствах, сама необходимость возьмет свое, и они сцепятся в смертном бое. Ни династические соображения, ни родство коронованных особ, ни посредничество тех или иных держав, ничто не предотвратит рокового столкновения, ибо дело идет о самых жизненных интересах обеих стран»³². Если заключение франко-русского союза, по мнению черносотенцев, было в свое время оправдано тем, что позволяло установить равновесие сил в Европе, и не угрожало жизненным интересам Германии, то присоединение к нему Англии в корне изменило ситуацию³³. Уже в эмиграции лидер СРН Н. Е. Марков отмечал: «Пока был франко-русский союз, войны не было, войной и не пахло. Как только масонское влияние увлекло русскую дипломатию в объятия управляемого масонами “коварного Альбиона”, тотчас обострились русско-германские отношения, и Россия оказалась втянутой в мировую войну...»³⁴

Но если Англия рассчитывала при помощи этого союза получить для себя сильного континентального союзника в борьбе с Германией, то России, по мнению черносотенцев, трудно было ожидать от этого соглашения каких-либо выгод. «Основа нашей теперешней политики — соглашение с Англией, очень похожее на союз, — писал товарищ председателя Главной палаты РНСМА Н. Д. Облеухов. — Мы, люди монархических партий, этому союзу, как известно, не сочувствуем. Мы указывали и будем указывать, что Англия, опасная в качестве врага, совершенно бесполезна и даже вредна в качестве друга»³⁵. Как отмечал Пуришкевич, отдававший дань «чувству глубокого патриотизма английского народа», Британия — этот «современный Карфаген», будущее которого оказалось под угрозой из-за выдающихся успехов Германии, чтобы спасти свое положение, «мечется в поисках не за союзником, а за тем государственным

³¹ Опасно ходим // Объединение. 1912. № 2. С. 2.

³² Глинка С. На чью сторону стать? // Земщина. 1910. 27 января.

³³ Глинка С. Наши отношения с Германией // Земщина. 1909. 11 июня.

³⁴ Марков Н. Е. Войны темных сил. Париж, 1928. С. 158.

³⁵ Ухтубужеский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 68.

телом, которое могло бы... в самый критический для нее момент... принять на себя удар наиболее страшного для нее политического противника и тем отдалить час ее экономического и политического падения. Трудно допустить, чтобы та страна, которая 3 года назад делала все от нее зависящее к унижению России, чтобы страна эта искала возрождения ее военной мощи и роста ее авторитета в кругу великих держав современного мира. Англии нужна Россия как тот кулак, который должен во чтобы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу... английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны, разбитая Россия и вконец обессиленная хотя бы и победоносная Германия, обе они вынут каштаны только для Англии, для нее одной»³⁶. О желании Англии — «нашего исконного, естественного врага и соперника, вредившего нам, где и чем только мог», — спрятаться «за нашу... широкую спину, и заставить нас принять на себя удары ее врагов», писал член РС и РМС К. Н. Пасхалов, отмечавший, что расчет Британии, стремившейся к «исключительному господству над миром», заключался в том, чтобы «заставить Россию и Германию разбиться друг от друга и разом освободиться от обоих конкурентов»³⁷. Характеризуя дружественные жесты со стороны Британии, Карцов характеризовал их как желание «приглядеться к России и ее природным богатствам и оценить, во что обойдется пушечное мясо, нужное им (британцам. — *А. И.*) на случай войны с Германией»³⁸. «Воевать ради защиты владычества Англии на морях, служить ей экономическими кабальниками и поставщиками пушечного мяса — роль для нашего самолюбия чрезвычайно обидная и унижительная, — заключал Карцов. — Лезть в объятия Англии, разумных причин нет, а еще менее есть оснований заключать с нею формальный союз. Всякий шаг в этом направлении отнимет у нас свободу действия и приблизит нас к войне с Германией...»³⁹. Еще более категоричен был один из основателей СРН А. А. Майков, отмечавший, что Британия, «ослабив Россию ружьями Японии и революцией», стремится теперь «ослабить нас при помощи Германии»⁴⁰. В случае же войны, полагали крайне правые, «временная дружба России с неверным естественным врагом обеспечит Англии ее тыл в Индии и откроет плохо защищенные западные границы России для нападения воинственной Германии: как бы она ни была разбита на водах (британским флотом. — *А. И.*), она разобьет наши войска на суше. <...> Англия своим флотом России помочь не сможет, да и не захочет..., наоборот, ей выгодно, когда немцы расколотят русские военные силы — никто ей угрожать из середины Азии не будет. Тут одно предстоит: окончательное падение и сокрушение России»⁴¹.

³⁶ Правые партии... Т. 1. С. 449–450.

³⁷ Пасхалов К. Н. С Англией или Германией? // Пасхалов К. Н. Русский вопрос / сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2008. С. 589.

³⁸ Опасно ходим... С. 3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Майков А. Не-легенда // Земщина. 1909. 5 июля.

⁴¹ Черносотенец барон Т[аубе]. Указ. соч.

Тревогу крайне правых также вызывала возможность захвата Британией российских рынков, экспансия английской промышленности и подчинение российской экономики интересам Лондона⁴². «Дайте Англии зацепиться за кончик мизинца, — писал С. К. Глинка-Янчевский, — и она начнет у нас хозяйничать, как в своей колонии: всюду будет находить и отстаивать свои интересы»⁴³.

Кроме того, Великобритания, подобно Франции, воспринималась крайне правыми как государство враждебное православной самодержавной монархии и стремящееся к изменению государственного строя в России. «Англофильство в нашей внешней политике, — писал Н. Д. Облеухов, — это то же, что “конституционализм” во внутренних делах России»⁴⁴. «...Англия неоднократно силой добивалась ниспровергнуть наш самодержавный строй...», — утверждал Глинка-Янчевский⁴⁵. Черносотенцы были убеждены, что Лондон является центром мирового масонства и колыбелью едва ли не всех происходящих в мире революций⁴⁶. Таким образом, через свои печатные органы крайне правые старались убедить российские власти и общество, что верить Британии нельзя, что английское стремление к сближению с Россией преследует лишь интересы Лондона, а за заявлениями о дружбе и сотрудничестве скрываются интриги, коварство и враждебность. «Англия продаст, ибо вечно продает, и продажа вошла в ее право и плоть — предупреждала “Земщина”. — Англия уже не может действовать честно. Она не может не продавать»⁴⁷. Страной «классического коварства» называл Англию и Пуришкевич⁴⁸. Обращая внимание на взаимные симпатии британских политических кругов и российской либеральной оппозиции, рупор СРН писал: «Вся, так называемая, “прогрессивная”... часть общества, разумеется, тянет Россию на сторону Англии. Вся же русская Россия с содроганием отворачивается от всякого сближения с этой предательницей, с этим гнездом масонства, политической провокации и всякого шантажа»⁴⁹. В связи с этим черносотенцы являлись убежденными противниками российско-британского сближения, выступали с протестами против дружественных визитов друг к другу английских и российских парламентариев и обвиняли либеральную оппозицию в том, что она, пользуясь симпатиями Англии, устанавливает тесные контакты с ее деловыми и политическими кругами в ущерб российским интересам. Впрочем, зависимые от правительственных субсидий правые могли иногда снижать градус в критике Британии и от резких выпадов в ее адрес переходить к дипломатично выраженным тревогам и озабоченностям, но общей их позиции по отношению к российско-английскому союзу до начала Первой мировой войны это не меняло.

⁴² Майков А. Указ. соч.

⁴³ Глинка С. Внешняя политика...

⁴⁴ Ухтубужский П. Германия или Англия? // Земщина. 1910. 9 мая.

⁴⁵ Глинка С. Последние свидания // Земщина. 1909. 23 июля.

⁴⁶ Глинка С. На перепутье // Земщина. 1909. 5 июля.

⁴⁷ Глинка С. На чью сторону стать?..

⁴⁸ Правые партии... Т. 1. С. 450.

⁴⁹ Глинка С. На чью сторону стать?..

Иначе смотрели на Англию русские националисты и умеренно правые. Лидер ККРН и член Главного совета ВНС А. И. Савенко, комментируя заключение российско-английской конвенции, вспоминал: «Я первый горячо приветствовал это соглашение, ибо Россия никогда не была врагом Англии, нападала и враждовала Англия, и если она прекратила свою вражду, то это крупная удача для нас, которой нельзя не радоваться»⁵⁰. Многие националисты смотрели на Британию как на страну, в которой удалось примирить монархию и парламентаризм, где национализм и патриотизм завоевали себе прочные позиции в образованном обществе, где даже либеральные силы были национально ориентированы и ставили интересы английской нации выше инородческих. «Английский парламент, самый древний на свете и образец парламентов, строго национален, — писал М. О. Меньшиков. — В нем заседают представители только британской островной группы»⁵¹. «Английские либералы? Да какие же это либералы! Ведь это — точный сколок с нашей русской родовой аристократии», — отмечал член Главного совета ВНС граф В. А. Бобринский⁵². Учившийся в свое время в Эдинбургском университете Бобринский, по словам современного исследователя, умел «органично сочетать русский национализм, славянофильство и “англоманию”» и «предлагал русскому обществу брать первоочередной парламентский пример с англичан»⁵³. Таким образом, русские националисты не чурались контактов с британскими политиками, а поддерживавшее их «Новое время» придерживалось проанглийской ориентации, выступало за русско-английские союзнические отношения и восхваляло «доблестную союзницу»⁵⁴ (за что нередко именовалось черносотенцами прислужницей Англии⁵⁵). Российско-английское соглашение 1907 г. трактовалось большинством националистов и умеренно правых в позитивном ключе: устранение противоборства с Британией в Средней Азии, считали они, давало России возможности для решения других задач (укрепления позиций на Балканах и борьбы за черноморские проливы). В отличие от черносотенцев, считавших, что сближение с Британией ведет к ненужному для России конфликту с Германией, националисты исходили из того, что в условиях роста экспансионистских и милитаристских настроений в Рейхе, в интересах России заручиться поддержкой Англии⁵⁶. Но проанглийская ориентация русских националистов во внешней политике не превращала их в послушных проводников британских интересов внутри России: как только со стороны британских политических кругов предпринимались попытки оказать давление

⁵⁰ Савенко А. Заметки // Киевлянин. 1908. 29 мая.

⁵¹ Меньшиков М. О. Пунцово-розовая точка зрения // Меньшиков М. О. Русское пробуждение / под ред. В. С. Чижевского. М., 2007. С. 59.

⁵² Цит. по: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 91.

⁵³ Там же. С. 173–174.

⁵⁴ Белянкина В. Ю. Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ Глинка С. Внешняя политика...

⁵⁶ Белянкина В. Ю. Указ. соч. С. 45.

на внутривосточную ситуацию в Российской империи (например, по финляндскому вопросу), националисты сразу же давали им отпор⁵⁷.

Необходимость воевать в союзе с Англией против Германии не вызвала у большинства крайне правых всплеска симпатий к туманному Альбиону. Исключение составил лишь РНСМА, который благодаря позиции своего лидера В. М. Пуришкевича с первых же дней войны принялся прославлять «доблестную союзницу». Член РНСМА Н. Д. Облеухов, корректируя довоенную риторику правых, пытался делать акцент на монархическом, а не на конституционном характере Британии. «Конституционализм в Англии не есть порождение революционных принципов XVIII столетия, — писал правый политик. — Он развился из средневекового феодализма, из средневековых городских свобод. Английский строй есть нечто неподражаемое и неповторяемое во всем мире. Английский конституционализм тесно сочетается с монархизмом. Назвать англичанина республиканцем значило бы его оскорбить. Монархические чувства в английском народе чрезвычайно сильны. Для нас русских союзная и дружественная ныне Великобритания есть прежде всего могущественная монархия, королем и императором которой является, близкий родственник нашего возлюбленного Государя, Его Величество Король Великобритании и Император Индии Георгий V»⁵⁸. Но наиболее крутой поворот от прогерманских взглядов к англофильству сделал Пуришкевич, что обуславливалось желанием политика вывести себя и свою партию из-под критики антигермански настроенного общества, что ему в целом удалось. Посол Великобритании Дж. Бьюкенен в ответ на приветственную телеграмму Пуришкевича направил ответное письмо, в котором оказывал моральную поддержку дружелюбно настроенному по отношению к Англии русскому монархисту⁵⁹. Показательно, что когда один из лидеров СРН П. Ф. Булацель выступил в печати с критикой требования британского премьера Г. Асквита привлечь к ответственности за военные преступления германцев императора Вильгельма II, позволив заметить, что британские войска за два года войны продвинулись лишь на несколько сот метров, поскольку цель их — свалить все тяготы войны на Россию, Пуришкевич отмежевался от своего недавнего соратника и потребовал от членов РНСМА, разделяющих взгляды Булацеля, немедленно покинуть союз. В письме к Бьюкенену он называл Англию «великим и доблестным союзником» и от лица РНСМА выражал «глубокое восхищение» Англией, «жертвы коей на алтарь общего дела будут оценены рядом русских грядущих поколений»⁶⁰. Впрочем, нахваливая в годы войны «доблесть британских союзников» и английское отношение к войне, обращаясь к русской публике, Пуришкевич все же вынужден был признать: «Будем откровенны: если бы Англия не была слаба до такой степени, то, конечно, ей желательно было бы...

⁵⁷ В Совете Всероссийского национального союза // Земщина. 1910. 9 мая.

⁵⁸ Ухтубужский П. Еще о нашем мнимом германфильстве // Русское знамя. 1916. 5 марта.

⁵⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1817. Л. 94 об.

⁶⁰ Правые партии... Т. 2. 1911–1917 гг. С. 440.

сильное ослабление России, хотя и ее союзника, ослабление, которое не дало бы возможности в будущем, если Россия победит Германию, занять ей место Германии»⁶¹. Но тут же замечал: «захваченная врасплох, проспавшая Англия», теперь «идет рука об руку с исконным своим врагом в прошлом — Россией, веря, что лишь наша мощь похоронит в сугробах русского снега те тевтонские полчища, которые... наводняют сейчас Россию. Она (Англия. — *А. И.*) верит, что империалистические стремления и аппетиты Вильгельма могут быть похоронены только в России, которую она должна снабдить оружием и неисчислимым количеством средств, так как людей дать она не может. ...впервые Англия, приняв участие в континентальной войне, должна отступить от своих традиций, диктовавшихся ей политическим разумом»⁶². Однако после событий 1917 г., во время своих публичных выступлений на Белом юге, Пуришкевич снова заговорил о Британии в весьма критическом духе, обвиняя ее в активном участии в русской революции, стремлении поживиться бывшими владениями Российской империи и навязать антибольшевистским силам определенное государственное устройство будущей России⁶³.

Большинство же черносотенных политиков, прекратив во время Первой мировой войны явные нападки на Англию, вместе с тем продолжали смотреть на союзницу с большим подозрением. Как отмечалось в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам»⁶⁴. В связи с этим член правой группы Государственного совета А. А. Римский-Корсаков указывал правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»⁶⁵. Революционные события февраля 1917 г., признание и активная поддержка Англией и Францией Временного правительства вынудили правых высказываться о союзниках более определенно. Ультраправая «Гроза», отвечая на раздражение Англии и Франции развалом русской армии и ее неспособностью продолжать войну так, как она вела ее прежде, замечала: «Сами англо-французы постарались разрушить занесенный над немцами броневой кулак. Они хорошо знали, что русский христоробивый воин бился до смерти за три святыни: “за Веру, Царя и Отечество”, написанные на ополченском кресте и строго чтимые всем русским народом. Ныне эти святыни у него похищены: Отечество заменено международным братанием, Вера отменена приказом о необязательности молитвы Богу,

⁶¹ Пуришкевич В. М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 38–39.

⁶² Там же. С. 56–57.

⁶³ См.: Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020. С. 547–548.

⁶⁴ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

⁶⁵ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

а Царя нет благодаря тем же англичанам и французам. <...> Следовательно, исключение Царя из святынь, за которые только и готов русский народ идти на смерть, ответствен за желанию Франции и Англии, и потому они должны примириться со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁶⁶. Таким образом, делало вывод издание, пришел черед союзников, которых в начале войны Россия спасла от разгрома, нанести решительный удар по Германии, а русскому народу хватит «жертвовать собою на благо других и на погибель себе»⁶⁷.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что русский правый лагерь по отношению к Франции и Великобритании не был един. Крайне правые (черносотенцы), за редкими исключениями, не испытывали симпатий к государственному устройству, правительствам и внешней политике этих стран, в то время как умеренная часть правого лагеря (националисты) в целом была настроена по отношению к союзникам по Антанте весьма дружелюбно. Если первые стремились добиться дистанцирования Российской империи от слишком тесных отношений с Англией и Францией, то вторые ратовали за сближение с этими державами. Принципиально важным здесь являлась не только оценка внешнеполитических устремлений этих государств, но и их внутривнутриполитическая доктрина. Для приверженцев православной самодержавной монархии республиканская Франция и парламентская Англия не могли быть близки (как не были близки французским и английским государственным и политическим деятелям русские правые), но для русских националистов, приветствовавших становление парламентаризма в России и восхищавшихся национальной политикой Парижа и Лондона, отношение было принципиально иным. Кроме того, следует отметить, что черносотенцы в своей критике указывали на принципиальное отличие союза России с континентальной Францией и островной Британией: если союз с Третьей республикой находил в их геополитических взглядах хоть какое-то оправдание, то сближение с Туманным Альбионом казалось им роковой ошибкой. Однако публичные высказывания правых политиков по адресу Британии и Франции могли сильно меняться, исходя из конкретной внешнеполитической ситуации. Если до войны с Германией, стремясь воздействовать на российское внешнеполитическое ведомство, крайне правые делали акцент на критике этих держав, то во время войны прагматические интересы заставили их либо отказаться от этой риторики, либо существенно смягчить ее. Февральская революция 1917 г., в ходе которой союзники по Антанте оказались на стороне противников русского самодержавия, заставили монархистов снова менять риторику в отношении этих стран, напоминая свои предвоенные предостережения, но разгромленные, дискредитированные и лишенные общественной поддержки, они уже были мало кому интересны.

⁶⁶ Гроза. 1917. 18 июня.

⁶⁷ Там же. 2 апреля.

Литература

1. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 215 с.
2. Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1984. 308 с.
3. Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
4. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
5. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
6. Линькова Е. В. Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 500 с.
7. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
8. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.
9. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Язуа-пресс, 2013. 672 с.
10. Урибес-Санчес Э. Внешнеполитические взгляды правых // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический Проект; Парадигма, 2018. С. 388–395.

References

1. Beliankina V. Iu. Vneshnepoliticheskie vzgliady russkikh pravyykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.) [Foreign policy views of the Russian right at the beginning of the XXth century (1905–1914)]: dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma, 2003. 215 p. (In Russ.).
2. Vasiukov V. S. Vneshniaia politika Rossii nakanune Fevral'skoi revoliutsii. 1916 – fevral' 1917 g. [Russia's foreign policy on the eve of the February Revolution. 1916 – February 1917] Moscow: Nauka, 1984. 308 p. (In Russ.).
3. Ivanov A. A. Plamennyi reaktzioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich [Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 621 s. (In Russ.).
4. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917) [Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Arheo, 2013. 520 s. (In Russ.).
5. Kotsiubinskii D. A. Russkii natsionalizm v nachale XX stoletii: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiiskogo natsional'nogo soiuza [Russian nationalism at the beginning of the XXth century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 528 p. (In Russ.).
6. Lin'kova E. V. Stanovlenie i evoliutsiia vneshnepoliticheskoi kontseptsii rossiiskikh konservatorov XIX v. [Formation and evolution of the foreign policy concept of Russian conservatives in the XIXth century]: dis. ... doktora ist. nauk. Moscow, 2019. 500 s. (In Russ.).

7. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).
8. Repnikov A. V. Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti [Conservative models of Russian statehood]. Moscow: ROSSPEN, 2014. 527 p. (In Russ.).
9. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdela- li dlia velichiia Rossii? [Black Hundred. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Iauza-press, 2013. 672 s. (In Russ.).
- 10. Uribes-Sanches E. Vneshnepoliticheskie vzgliady pravyykh [Foreign policy views of the right] // Istoriiia vneshnei politiki Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuz'a do Oktiabr'skoi revoliutsii). Moscow: Akademicheskii Proekt; Paradigma, 2018. P. 388–395. (In Russ.).